

ТАЯ
Наварская

Измена мужа
ПОСЛЕ

современный любовный роман

Тая Наварская

Измена мужа. После

<https://litres.ru/74433054>

Аннотация

– Она мне никто! Клянусь! Муж пытается схватить меня за руку, я уворачиваюсь. – Но тем не менее ты привел ее в наш дом. И в нашу постель. – Это просто разовая интрижка! Она ничего не значит! Пожалуйста, милая, поверь мне! В груди разливается жгучая боль, а на глаза наворачиваются слезы. Как он мог меня предать? Шестнадцать лет брака, двое детей и третья беременность, о которой он пока ничего не знает... Неужели это все коту под хвост? – Родная, я понимаю, что облажался... Что обидел тебя. Но прошу, дай мне шанс все исправить! Дима выворачивает мне душу наизнанку одним лишь взглядом. Ведь когда-то я безумно любила его. Да и сейчас, говоря по правде, люблю... – Нет, – отрицательно качаю головой. – Я хочу развода. – Алин, умоляю, – неожиданно он падает передо мной на колени. – Только не развод!

Похожая история "Развод в 40. Счастье вопреки":

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

– Дорогая, ты не видела мои запонки? – из спальни доносится голос мужа.

– Они в комоде. Второй ящик сверху, – отзываюсь я, продолжая сортировать белье.

Выходные дни в нашем доме всегда суматошные. А сегодня – особенно. Супруг собирается на встречу с важными деловыми партнерами, сын потерял любимую хоккейную клюшку и опаздывает на тренировку, а дочь пригласила в гости шумную подругу.

– Нашел, – Дима появляется на пороге гардеробной с коробочкой запокот в руках. – Как тебе удастся запоминать, где что лежит?

Он подходит ко мне со спины и, поцеловав в макушку, обнимает. Рефлекторно напрягаю мышцы и втягиваю живот. Я делаю это каждый раз, когда муж касается меня там. Разумеется, он сто раз видел меня голой и прекрасно знает, что животик у меня далеко не плоский. Две беременности и одно кесарево сечение не прошли бесследно. Однако на каком-то глубинном уровне мне хочется выглядеть в Диминых глазах лучше, чем я есть на самом деле.

– Без понятия, – посмеиваясь, пожимаю плечами. – Это как-то само собой получается.

– Ты идеальная жена и мать, я тебе об этом говорил? –

муж зарывается носом в мои волосы.

– Да, – мурлычу, прикрывая веки. – Но напоминай мне об этом почаще.

– Непременно, – Дима оставляет на моей щеке финальный чмок и отстраняется. – Ну ладно, пойду одеваться. Не хочу опоздать.

– Ты долго там пробудешь? – оглядываюсь.

Диме чуть за сорок, и выглядит он впечатляюще. Подтянутые торс, крепкие мышцы рук, благородная седина на висках – он похож на мужчину с рекламы элитных часов. Порой смотрю на него и не верю, что этот сексуальный красавчик – мой муж.

– Боюсь, до вечера, – вздыхает. – Ты же знаешь Бессонова, он любит поговорить.

– И выпить любит, – не удерживаюсь от иронии.

– Это тоже, – усмехается. – Но я обещаю сильно не налягать на спиртное. Да и вообще, постараюсь освободиться как можно раньше.

– Хорошо. Я буду ждать.

Муж скрывается в коридоре, а я вновь принимаюсь перебирать белье. Черное к черному, синие к голубому, с Димиными рубашками вообще своя история. Я их отдельно стираю. На специальном деликатном режиме. А белые – и все вручную. Дабы они сохраняли первозданный вид. Дима к этому очень трепетно относится.

Извлекаю из корзины его парадную рубашку и бросаю ее в

тазик, чтобы чуть позже замочить в ванной. Она приземляется воротничком вверх, и мне в глаза бросается невнятное красное пятно.

Первая мысль – как отстирать? Вторая – что это вообще такое?

Приблизившись, снова беру рубашку в руки и приглядываюсь. Похоже на помаду. Яркую, вишневого оттенка. У меня такой нет, я пользуюсь только нюдовыми.

Напрягаю зрение и слегка наклоняю голову, пытаюсь рассмотреть пятно с другого ракурса. По форме чем-то напоминает след от губ. Отчетливо вижу две полосы. Хотя... Возможно, мне просто мерещится? Пятно, судя по всему, старое и сильно смазанное. По логике, это может быть, что угодно. Борщ, краска, клубничный сок.

Но вообще-то больше похоже на помаду.

Шумно сглатываю, призывая себе не паниковать раньше времени. Подумаешь, какое-то пятно непонятного происхождения у мужа на рубашке. Это не повод разыгрывать драму. Нужно просто поговорить с Димой. Наверняка у него есть какое-то разумное объяснение.

Несколько секунд собираюсь с мыслями. Как лучше сформулировать вопрос, чтобы он не прозвучал как упрек? Не хочу казаться ревливой истеричкой. Да и портить мужу настроение перед важной встречей тоже нежелательно.

Прихватив с собой рубашку, выхожу из гардеробной и направляюсь в спальню. Мимо меня проносится Мишка со здо-

ровенной сумкой наперевес.

– Мам, я погнал. Буду вечером.

– Ключку нашел? Где была?

– Ага, – обернувшись, трясет находкой. – За шкафом, представляешь? Наверное, Маринка туда засунула.

Обвинять сестру во всех смертных грехах – его любимое занятие.

– Ладно, удачи. Не задерживайся.

Сын скрывается из виду, а я продолжаю путь в спальню. Дима, одетый с иголочки, стоит напротив огромного зеркала и завязывает галстук.

– Помочь? – бросаю негромко, откладывая его запятнанную рубашку на близстоящий стул.

– Если нетрудно, – улыбается. – У тебя это всегда лучше получается.

Муж приближается и становится напротив. Его лицо гладко выбрито, а от кожи доносится тонкий аромат хвойного парфюма.

– Я хотела поговорить, – продеваю широкую часть галстука в петлю и аккуратно затягиваю узел.

– Давай. Только недолго, хорошо? За мной уже водитель подъехал.

В горле встает ощутимый ком сопротивления. Не так-то просто озвучить свои опасения. Такое чувство, что подозрениями я оскорбляю не только его, но и себя.

– Я разбирала вещи для стирки и...

У Димы в кармане звонит телефон, не дав мне закончить мысль.

– Алло, – он прикладывает трубку к уху и отходит на несколько шагов. – Да, я уже выезжаю. Через полчаса буду.

На том конце ему что-то отвечают, и Димины губы растягиваются в широкой искренней улыбке. Интересно, это он на шутки Бессонова так реагирует?

– Понял. До встречи, – муж сбрасывает вызов и, спрятав телефон обратно в карман, снова устремляет взгляд на меня. – Я тебя слушаю, Алин. О чем ты хотела поговорить?

Чувствую, что момент безвозвратно упущен. Такие деликатные темы не обсуждают на ходу.

– Ничего серьезного, – отмахиваюсь. – Потом поговорим.

– Тогда до встречи. Увидимся вечером.

Он накидывает пиджак, который выгодно подчеркивает его широкие плечи, торопливо целует меня на прощанье и выходит из комнаты.

Хочется проводить его до машины, но я глушу в себе этот порыв. Рубашка с алым пятном, которою я снова взяла в руки, неприятно жжет пальцы, а в груди, подобно морскому шторму, нарастает смутная тревога.

Глава 2

В итоге злополучную рубашку я так и не замачиваю. Решаю оставить красную улику на воротнике в качестве аргумента. Понимаю, что это низко и подрывает основы доверия, которое так важно в браке, но по-другому поступить не могу. Эта ситуация задела меня гораздо сильнее, чем я думала вначале.

Большой ошибкой становится идея залезть в Интернет и прошерстить форумы на тему «след от чужой помады на рубашке мужа». Каких только историй там нет! Одни говорят, что это ничего не значит и испачкать кипенно-белую рубашку – плевое дело. Вторые призывают сосредоточиться на себе и перестать искать в браке подвохи. Дескать, меньше знаешь – лучше спишь. Ну а основная масса пользователей придерживается мнения, что след от помады на рубашке мужа означает одно: он изменяет.

От чтения подобных заявлений мне становится дурно, но я все равно, будто какая-то мазохистка, с неослабевающим вниманием продолжаю листать страницы. Пользователь с никнеймом Umka1988 советует отнести рубашку в лабораторию для того, чтобы убедиться в том, что это на самом деле помада. LadyBad настоятельно рекомендует провести с супругом обстоятельную беседу и как следует его припугнуть. Nina_malina предлагает устроить слежку: мониторить теле-

фон благоверного, читать его смс и контролировать звонки.

Спустя час, проведенный на просторах Сети, я чувствую, что меня начинает подташнивать. Во-первых, увлекшись изучением форумов, я забыла поужинать. Во-вторых, мое моральное состояние усугубилось настолько, что стало негативно влиять на физическое. На душе гадко, словно в грязи вымазалась.

От компьютера меня отрывают звонкие возгласы дочери и ее энергичной подруги Элины. Девочки проголодались и просят накормить их ужином. Спускаюсь на первый этаж и ставлю на плиту свежеприготовленный борщ, чтобы немного его подогреть.

– Не хочу суп! – громко заявляет Элина. – Можно мы лучше хлопья с молоком поедим?

– Нельзя, – отвечаю спокойно, но твердо. – Сначала нормальная еда, потом сладости.

– Но хлопья и есть нормальная еда, – не унимается она. – А сладости – это шоколад, например.

Вот же мелкая выскочка! Находится в моем доме на правах гостыи и еще умничает. Если бы не искренняя привязанность Маринки к этой горластой девице, я бы отчитала ее как следует. По-моему, ее родителям следует быть с ней строже.

– У себя дома можешь есть на ужин хоть хлопья, хоть леденцы. А здесь мы едим суп, – припечатываю тоном, не терпящим возражений.

– Да ладно тебе, Элин, – подключается дочка, – у мамы борщ обалденный. Ты еще и добавки попросишь.

Элина морщит носик, но в полемику не вступает. И на том, как говорится, спасибо.

Накормив девочек, без особого аппетита заталкиваю в себя тарелку супа. Руки так и чешутся снова залезть в Интернет и продолжить отравляющие душу поиски, но усилием воли я заставляю себя этого не делать. К тому же мне уже пора собираться: на пять часов у меня запись к гинекологу.

Натягиваю шифоновое платье ниже колена, прохожусь по губам блеском и, прихватив сумочку, направляюсь в детскую. Марина с подругой играют в поп-звезд: с ног до головы обвесились пластиковой бижутерией и, смешно пританцовывая, фальшивят. Вместо микрофонов они сжимают в руках дезодоранты, вместо зрительского зала – рассаженные на кровати плюшевые игрушки.

– Тук-тук, – привлекаю внимание девочек. – Я на часик отъеду, ладно? Если что-то понадобится, сразу звоните.

– Хорошо, мам, – кивает Маришка, нехотя отвлекаясь от исполнения какого-то заморского хита.

Усмехнувшись, прикрываю за собой дверь и спускаюсь вниз, в гараж, где сажусь за руль. Дорога до клиники занимает не больше десяти минут. Вот, что значит выходной – никаких пробок.

У своего гинеколога, Елены Константиновны, я наблюдаюсь еще со времен беременности Мишкой. Поначалу она

работала в государственной женской консультации, а лет десять назад перевелась в частную клинику. Ну и я, собственно, за ней.

– Как дела, Алиночка? – спрашивает Елена Константиновна, когда я сажусь напротив.

Она всегда очень ласковая и участливая. Это меня в ней и подкупает.

– В целом, неплохо, но у меня опять задержка, – вздыхаю раздосадовано. – Видимо, снова поликистоз расшалился.

В прошлом году я проходила длительный курс лечения от этого недуга, и мой неравномерно скачущий цикл наконец восстановился. Однако в этом месяце менструация вновь не началась вовремя, и я очень сильно расстроилась.

– Еще какие-то жалобы, кроме задержки, есть? – интересуется она.

– Вроде нет.

– Тогда проходите в смотровую, раздевайтесь и занимайте кресло. Через минуту я подойду.

Следую ее инструкциям. Располагаюсь в кресле и принимаюсь рассматривать потолок. Гинекологический осмотр – не самая приятная процедура, но деваться некуда.

Через пару мгновений Елена Константиновна заходит в смотровую и, надев тонкие резиновые перчатки, выполняет все необходимые манипуляции.

– Та-а-к, – задумчиво тянет она, вглядываясь в экран аппарата УЗИ. – Кажется, на этот раз дело вовсе не в полики-

стозе.

– Правда? – радуюсь. Но следом настораживаюсь. – А в чем тогда?

– С высокой долей вероятности я готова утверждать, что вы, Алиночка, беременны.

Замираю как от удара обухом по голове. Перед глазами расплываются красные пятна, а сердце разгоняется до двухсот.

Беременность? Вот черт... Стыдно признаться, но ни о чем я таком я даже не думала. Мы с Димой предохраняемся, да и возраст у меня далеко не юный... Ну, чтобы взять и вот так легко залететь. Мне как-никак тридцать семь! И недавно перенесенный поликистоз по идее должен снижать фертильность...

– Как это беременна? – переспрашиваю я, тупо хлопая глазами.

– Ну вот так. Смотрите, – Елена Константиновна выделяет на экране какое-то невнятное пятно, – это плодное яйцо. Оно довольно различимое, поэтому, по моим предположениям, срок беременности около пяти-шести недель. Конечно, для наиболее достоверных результатов нужно будет сдать анализ крови на ХГЧ.

Я настолько ошарашена, что никак не могу связать двух слов. В голове – бардак, язык – деревянный. Известия о прошлых двух беременностях я встретила с улыбкой на губах, ведь они были такими желанными. А в этот раз я даже не

знаю, что чувствую... Все слишком неожиданно. И сложно.

Может, конечно, дело в моих подозрениях, связанных с пятном на Диминой рубашке, и когда они развеются я по-другому посмотрю на ситуацию, но в данный момент радости я не ощущаю. Только растерянность. И полнейшее непонимание, что мне делать дальше.

Мы с Димой не планировали третьего ребенка. И не разговаривали ни о чем таком. Интересно, как он отнесется к этой новости?

Глава 3

По настоянию гинеколога, в клинике я сдаю кровь на ХГЧ, а по пути домой заезжаю в аптеку и покупаю тест на беременность. Так, на всякий случай. Елена Константиновна – врач от бога. И я уверена, что она правильно расшифровала картинку на УЗИ. Просто мне нужно дополнительное подтверждение, чтобы поскорее смириться с неизбежностью.

Как я и думала, на тесте после его использования алеют две яркие полоски. Смотрю на них и постепенно выхожу из фазы отрицания: да, я действительно беременна. Вот это да! Неужели у нас с Димой снова будет ребенок? Уму непостижимо!

Когда я представляю крохотные ручки и пухлые ножки новорожденного младенца, на лице проступает улыбка умиления. Я так люблю маленьких деток! Они такие сладкие! Однако стоит мне вспомнить об алых следах на рубашке мужа, как уголки губ тотчас ломит вниз.

Господи, побыстрее бы Дима вернулся домой и развеял мои тревожные сомнения. Быть в положении и нервничать из-за возможной измены мужа – так себе состояние.

В седьмом часу звонит Мишка и спрашивает разрешения остаться с ночевкой у друга. Даю добро, потому что уже давно обещала его отпустить. В начале девятого за Маришкиной подругой приезжает гувернантка, даря нашему дому долго-

жданную тишину. В половине десятого я укладываю дочь спать и вновь оказываюсь один на один с мрачными гнетущими мыслями.

Мы с Димой женаты шестнадцать лет. Начиналось как у всех: знакомство, быстро вспыхнувшее влечение, свидания под луной, задушевные разговоры, романтика. Потом решили жить вместе. Сняли крошечную однушку на окраине города. Тараканы, соседи-алкоголики, то и дело протекающий кран – самостоятельная жизнь была суровой, но от этого не менее счастливой. Мы радовались тому, что наконец можем засыпать и просыпаться в одной постели.

Затем Дима получил должность. По нынешним меркам плеваю, но тогда для нас это было большим шагом вперед. Переселись в квартиру получше, а через год появился Мишаня, наш первенец. Залюбленный и заласканный ребенок.

Карьера Димы шла в гору, да и моя не отставала. Вертелись как могли. Купили машину, потом ипотеку взяли, на море стали выезжать. Когда переехали в свой дом, я узнала, что беременна Маришкой. Всегда хотела дочку и была на седьмом небе от счастья. Дима тоже радовался. Говорил, что теперь у нас в семье будет две принцессы.

Не скажу, что всегда было радужно. Всякое случалось: и непонимание, и обиды, и даже скандалы с криками и громким хлопаньем дверьми. Но, несмотря на это, мы с Димой знали, что созданы друг для друга. Нас связывала любовь, а не банальная привычка.

Ну, по крайней мере я всегда так думала.

Сейчас Дима – большой начальник. Человек с деньгами, положением и весом в обществе. Да и годы, если честно, пошли ему только на пользу. Он возмужал, сделался солидным.

Мы с мужем работаем в одной фирме. Он – директор, отвечающий за развитие Западного направления. Я – замначальника отдела внутреннего аудита. Пересекаемся на работе редко. Точнее сказать – практически не пересекаемся. Но мысль о том, что в течение дня он находится в том же здании, что и я, неизменно греет душу.

Кошусь на стену и понимаю, что стрелка часов уже тянется к одиннадцати. Поздно. А Дима даже не разу не позвонил. Интересно, как он там? Сидит и слушает занудные разговоры Бессонова? Или нашел занятие повеселее?

К вечерне-ночным деловым встречам мужа я в принципе отношусь с пониманием. Он директор – у него рабочий график ненормированный. Да и круг обязанностей широк: надо не только контролировать подчиненных и принимать стратегические решения, но и развлекать тех, от кого зависит будущее компании. Бессонова, в частности.

Однако сегодня на душе как-то беспокойно. Скорее всего, из-за треклятого красного пятна, которое так и стоит перед глазами. Поразительно, как подобная мелочь может выбить из колеи. Вот вроде ерунда, а сердце не на месте. Да и взгляд сам собой липнет к часам. Почему его так долго нет?

Беру в руки телефон и гипнотизирую его вопросительным

взглядом. Позвонить или лучше не надо? В дежурном «Ты скоро?» нет ничего криминального, но меня почему-то ломает. Будто я Диму контролирую. Будто навязываюсь ему...

Плюнув на предрассудки, все же набираю номер мужа и долго слушаю гудки. Уже почти не жду, что он ответит, но через секунд тридцать в трубке раздается:

– Алло.

На заднем фоне отчетливо слышу громкую ритмичную музыку. Видимо, из ресторана, они направились напрямиком в клуб.

– Дорогой, как дела? – говорю как можно непринужденней. – Ты домой не собираешься?

– Малыш, нам походу придется задержаться, – вздыхает.

– Ложись без меня.

А ведь обещал, что постарается освободиться пораньше.

– Жаль, – мне не удастся скрыть разочарование в голосе.

– Но у тебя все в порядке?

– Да-да, все нормально, – отвечает несколько суетливо, будто спешит закончить разговор. – Ты спи, ладно? Не жди меня. Утром поговорим.

– Ладно... – растерянно тяну я. – Пока...

– Пока, – торопливо бросает Дима и первый отключается.

Откладываю мобильник на прикроватную тумбочку и, откинувшись на подушку, закрываю глаза. По виску прокатывается одинокая слезинка и теряется где-то в волосах.

Вот черт! Почему так обидно? Ведь он ответил, сказал,

что все хорошо... Но на душе стало только горше. Может, во мне говорит интуиция? Должно же быть объяснение, почему дурное предчувствие лишь нарастает.

Или все дело в гормонах? Помнится, во вторую беременность они особенно шалили. Я тогда чуть с ума не сошла от перепадов настроения. И Диму чуть не довела. Все возмущалась, что он слишком громко дышит.

Снова кошусь на часы и решаю позвонить лучшей подруге. Мы с Соней Орловской дружим с институтских времен, и она как никто другой меня понимает. Думаю, нестрашно, если я пренебрегу приличиями и наберу ее на ночь глядя.

Соня отвечает почти сразу. В разговоре с ней я озвучиваю свои самые страшные предположения и окончательно расклеиваюсь. Растираю по лицу соленую влагу и шумно шмыгаю носом.

– Я скоро буду, Алин, – говорит подруга. – Держись давай.
– Спасибо, Сонь, жду.

От мысли, что сейчас я смогу обсудить все с близким человеком становится капельку легче. Орловская – человек не только рациональный, но еще и очень сострадательный. Она подскажет, как лучше поступить, и наверняка успокоит.

Глава 4

Разговор с подругой действительно благотворно сказывается на моем душевном состоянии. Внимательно меня выслушав, Соня советует откровенно поговорить о случившемся с мужем, что в принципе согласуется с моими внутренними планами. Мы болтаем почти до часу ночи: Орловская пьет вино, ну а я потягиваю жасминовый чай. Беременность и алкоголь, увы, вещи несовместимые.

Когда подруга, вызвав такси, нетвердой походкой покидает мой дом, я наспех смываю макияж и забираюсь в постель. Несмотря на слегка приподнявшееся настроение, сплю плохо. Тревожно и с частыми пробуждениями. Все мерещится, что Дима пришел, но каждый раз это оказывается лишь плодом моего расшалившегося воображения.

Муж возвращается с рассветом. Если быть точной, в 4:54 утра. Я знаю это, потому что, услышав его приближающиеся шаги, молниеносно распахиваю глаза и нахожу взглядом часы.

Дима заходит в спальню почти бесшумно, и я делаю вид, что сплю. А сама вся обращаюсь во внимание. Прислушиваюсь, принимаю, разглядываю его, пока он не видит.

В том, что он пил сомнений нет: его движения скоординированы гораздо хуже, чем обычно. Постороннему человеку это, наверное, было бы незаметно, но мне, прожившей с

ним бок о бок больше шестнадцати лет, подобные вещи бросятся в глаза.

Раздевшись до трусов, Дима идет в душ и проводит там чуть больше десяти минут. Помывшись, он залезает под одеяло, и очень скоро его дыхание становится ровным и глубоким. Заснул. А вот у меня сна нет ни в одном глазу.

Приподнявшись на локте, вглядываюсь в его лицо, пытаюсь отыскать какие-то доказательства вновь обуявших меня подозрений. Но Дима безмятежен как ангел. Он все такой же гладко выбритый, красивый и... Бесконечно родной. Может, зря я себя накручиваю? Выдумываю то, чего нет, и сама же страдаю. Это так глупо... И так по-женски. Надо сегодня же поговорить с ним о лишившей меня покоя рубашке и закрыть эту тему. Раз и навсегда.

Поворочавшись с боку на бок, понимаю, что уже не засну, и решаю встать пораньше. Как давно я не начинала день с рассветом? Должно быть, целую вечность.

Не спеша, привожу себя в порядок: расчесываю волосы, наношу легкий макияж и облачаюсь в удобный домашний костюм. На выходе из спальни взгляд цепляется за одежду, которую Дима оставил на стуле.

На секунду зависаю в сомнениях. Во мне борются две противоположности: одна призывает проверить рубашку мужа на предмет посторонних пятен, а заодно и обшарить карманы его пиджака, в то время как другая осуждающе твердит о том, что это абсурд. О какой любви можно говорить, если

всего лишь один красный след способен на корню подорвать мою веру в мужа?

Воззвав себя к здравому смыслу, я подавляю иррациональный порыв и прохожу мимо его вещей, так к ним и не притронувшись.

Спускаюсь на первый этаж и, устроившись у окна, пью цикорий. Листаю новостную ленту, в которой, как по заказу, появляется реклама одежды для новорожденных, и наслаждаюсь молодыми солнечными лучами, ласково скользящими по коже.

Ближе к восьми встаю у плиты и готовлю традиционный воскресный завтрак, который обожает все семейство: овсяную кашу и пышные оладьи. Первыми на ароматный завтрак еды выходят дети. А следом подтягивается и муж.

– Доброе утро, – говорю я, заметив, как он спускается лестнице.

– Привет, – отвечает хрипло.

Выглядит слегка помятым. Немудрено после бессонной ночи.

– Есть будешь?

Ловко орудую, накрывая стол.

– Спрашиваешь, – усмехается. – Голоден как зверь.

Завтрак проходит в уютной атмосфере: Дима интересуется Мишиными успехами в хоккее, Маришка вдохновенно рассказывает о грядущем конкурсе рисунков, в котором она собирается принять участие, ну а я просто слушаю их всех

с улыбкой на губах. Все-так семья – это самое ценное, что есть в нашей жизни!

Когда дети, насытившись, расходятся по своим комнатам, мы с Димой остаемся наедине. Несмотря на недосып, он находится в благоприятном расположении духа, поэтому я решаюсь на разговор.

– Родной, я вчера перебирала твои вещи на стирку и обнаружила на одной из рубашек странное пятно, – начинаю я, складывая тарелки в посудомойку. – Мне нужно знать, чем ты запачкался, чтобы понять, как это пятно выводить.

Договорив, осторожно скашиваю глаза на мужа. Он выглядит по-прежнему расслабленным. Неспешно попивает чай.

– На какой рубашке? – спрашивает, зевая.

– На белой. Сейчас покажу.

Приношу рубашку и демонстрирую алый след мужу.

– Хм, – Дима задумчиво чешет подбородок. – Даже не знаю, что это такое... Краска какая-то, что ли? – присматривается. – Или помада?

Его поведение кажется очень естественным. Да и сам факт того, что он первый упомянул версию с помадой, говорит о том, что ему нечего скрывать.

– Похоже на то, – отзываюсь я, внимательно наблюдая за мимикой мужа.

– Странно... Откуда бы ей тут взяться? – переводит недоуменный взгляд меня. – А! Я, походу, понял, – его лицо про-

ясняется. – На прошлой неделе в лифте была ужасная давка. К нам же в отдел стажеров заслали, слышала? Вот они и повалили всей гурьбой. Помню, я еще возмутился. Сказал, что им следовало дожидаться следующего лифта... Видимо, в этой тесноте меня кто-то и запачкал.

Слушаю его, и у меня прям гора с плеч. Ну, конечно! Вот оно, то самое разумное объяснение, которое расставило все по своим местам. И зачем я столько времени тянула? Могла бы сразу обо всем расспросить Диму и успокоиться. А так... Столько нервов зазря истрепала, глупая.

– Да, я слышала, что в этом году стажеров набрали в два раза больше обычного, – заявляю я, стремительно веселея. – Как они? Справляются?

– Шутишь? – сделав глоток чая, Дима качает головой. – Справляются... Да они пока дубовые. Теорию знают на зубок, а на практике полные нули. Ну ничего, думаю, через пару месяцев Дина Александровна сделает из них людей. Она же гром-баба, никому спуска не даст.

О да, о Диминой подчиненной ходят слухи далеко за пределами их отдела. Дина Александровна – суровая тучная женщина за пятьдесят, которая профессионально муштрует молодежь. Стажеры перед ней по струночке ходят. И даже Дима как-то признавался, что немного ее побаивается. Хоть он формально и ее начальник.

– В Дине Александровне я не сомневаюсь, – посмеиваюсь и перевожу тему. – Ну а как вчерашний вечер прошел?

– В целом, неплохо, – муж вздыхает. – Только затянулось все... Пару раз порывался свалить пораньше, но Бессонов тотчас вис у меня на шее со своим коронным «если ты со мной не пьешь, значит, ты меня не уважаешь». Короче, пришлось с ним до утра куражиться, чтобы он не дай бог не решил инвестировать свои миллионы в какую-нибудь другую компанию.

– Нашему руководству с тобой очень повезло, – подмечаю я с легкой иронией в голосе. – Кто еще будет жертвовать своим здоровьем и сном ради блага фирмы.

– Ты вот смеешься, а Бессонов, между прочим, хочет свой портфель расширять, – ничуть не обидевшись, отвечает муж. – Я ему вчера все плюсы расписал, и он согласился. Так что вечер прошел не зря.

– Поздравляю, Дим. Ты молодец.

– Да брось, – отмахнувшись, залпом допивает чай и встает из-за стола. – Ну что, какие у нас сегодня планы?

– В торговый центр думала съездить. Маринке кроссовки новые нужны. А Мишке все джинсы короткие стали – резко пошел в рост.

– Ой, Алинчик... Давай вечером съездим, а? – приблизившись, обнимает меня за талию. – А сейчас поваляемся немного, кино какое-нибудь посмотрим?

– Давай, – соглашаюсь я, вмиг меняя свои планы.

Не умею отказывать Диме. Особенно, когда он ласково называет меня Алинчиком.

Глава 5

Новость о третьей беременности я решила преподнести мужу оригинально. Первые два раза не заморачивалась – просто подсовывала ему под нос тест с двумя полосками и радостно визжала. Теперь же мне хочется проявить немного креатива, сделать этот момент особенным и запоминающимся.

Как обычно, за идеями я обращаюсь к Интернету. Трачу весь обеденный перерыв, читая статьи на тему «как красиво рассказать мужу о беременности». Вариантов тут масса: от стильно оформленного торта до романтической фотосессий, в рамках которой предлагается сообщить будущему папе радостную весть, а заодно и запечатлеть на фотопленку его эмоции.

Но самой большой отклик в моей душе находит идея с мини-квестом. Суть в том, что мужчина с помощью разбросанных по дому подсказок находит заветную перевязанную шелковой лентой коробочку, в которой лежит снимок УЗИ либо же тест на беременность и милая открытка.

Эта мысль так сильно увлекает меня, что я зависаю на просторах Сети чуть дольше положенного и забываю отослать начальнице отчет, который она просила еще в начале дня.

– Алин, тебя Критичная к себе вызывает, – понизив голос,

сообщает моя коллега Вика.

Я уж и не помню, кто первый дал это прозвище нашей начальнице Марии Ивановне Криничной. Но прижилось оно, что называется, капитально. За глаза мы ее исключительно Критичной величаем. И не только из-за созвучной фамилии, но и из-за нелегкого характера. Мария Ивановна просто обо-жает поучать, порицать и выражать недовольство. Да и вообще частенько бывает не в духе. Так что прозвище Критичная ей очень даже подходит.

– Вот бли-и-ин, – тяну раздосадовано. – Сейчас она меня из-за отчета дрючить будет, зуб даю.

– Иди скорее, – советует Вика. – А то рассвирепеет и премии лишит.

Так и делаю. Подскакиваю на стуле и, на ходу поправляя узкую юбку-карандаш, семеню в кабинет начальницы.

– Мария Ивановна, вызывали? – говорю я, коротко посту-чав в дверь.

Судя по виду, Критичная опять чем-то раздражена: сосре-доточенно смотрит в экран компьютера и злобно кривится.

– Да, Алина Андреевна, заходите, – кивает на стул для посетителей. – Разговор есть.

– Слушаю.

Судорожно пытаюсь придумать оправдание, почему не от-правила отчет вовремя. Может, сослаться на технические неполадки? Или сказать, что бухгалтерия опять данные за-держала? Критичная терпеть не может главбуха нашей ком-

паний, поэтому, скорее всего, легко поверит в эту версию.

– У нас проблемы с западниками, – она отрывает взгляд от компьютера и фокусируются на мне.

Западниками мы называем отдел под руководством моего мужа.

– Так, – киваю я, понимая, что вызов начальницы никак не связан с моим запоздавшим отчетом.

– Я уже с этой старой гримзой Диной Александровной и так и эдак пыталась договориться, а она ни в какую, понимаешь? Есть такие люди, которые напрочь не слышат других. Вот просто напрочь! Я ей говорю: «Дина Александровна, миленькая, вы неправильно форму девять заполняете! Так не пойдет! Скажите уже своим сотрудникам!» А она знаешь что?

– Что?

– Возрастом своим козыряет! Дескать, уже двадцать лет работает в компании и лучше меня знает, как заполнять эту треклятую форму! Ведьма, скажи?

Тактично воздерживаюсь от комментария, сделав вид, что закашлялась.

– Короче, Алина Андреевна, ситуация критичная. Мужа вашего сроду не выловишь, поэтому вынуждена просить вас о содействии.

– О каком именно? – не совсем понимаю я.

– Поговорите с Дмитрием Эдуардовичем по-свойски. Пусть повлияет на эту свою неугомонную старуху, он же ее

непосредственный начальник, – Критичная со вздохом взбивает волосы. – У нас младшие аудиторы воют, весь западный отдел неправильные отчеты шлет. Это уже не в какие ворота не лезет!

– Эм... Ну ладно, я обсужу это с мужем, – соглашаюсь я. – Только вот он сам вряд ли понимает, что из себя представляет эта девятая форма...

– Это-то понятно. Там всем документооборотом его Дина Александровна заправляет. Но, может, она хоть директора своего послушает... Пусть он ей велит выполнять требования аудиторов. А то я такими темпами до генерального с жалобой дойду! – Критичная угрожающе трясет поднятым вверх указательным пальцем.

– Хорошо, Мария Ивановна, я сегодня же переговорю с Дмитрием Эдуардовичем.

– Не сегодня, а прямо сейчас, миленькая, – настаивает она. – Мы на двадцать шестое от западников целую кипу бумаг ждем. Я не переживу, если они там опять напортачат.

Критичная откидывается на спинку кресла и театрально закатывает глаза, демонстрируя, как сильно она устала от людской тупости.

– Ладно. Тогда я пошла к западникам.

– Очень на вас надеюсь, Алина Андреевна! – напутствует она.

Забавная ситуация. Только недавно думала о том, что по рабочим моментам мы с Димой не пересекаемся, и тут бац –

начальница направляет меня прямым к нему.

Миную длинный застекленный коридор, соединяющий два стоящих рядом здания и захожу в лифт. Офис мужа находится на восемнадцатом этаже. Всегда завидовала тому, что он работает так высоко и может любоваться живописными видами нашего города.

Пересекаю пустую приемную и, отворив дверь Диминого кабинета, застываю на месте как вкопанная. Муж сидит за столом в своем массивном кожаном кресле. А *настоле*, закинув ногу на ногу, восседает его молоденькая секретарша в непростительно короткой юбке.

Теряю дар речи. Часто-часто моргая, таращусь на весьма двусмысленную сцену. Заметив меня, секретарша спрыгивает на пол и одергивает вниз свой напояник. Дима прокашливается и поправляет галстук.

– Алин! – чересчур радостно восклицает он, поднимаясь на ноги. – Какими судьбами?

– Я по работе.

– Ого, это что-то новенькое, – усмехается и скашивает глаза на свою юную подчиненную. – Ясмина, оставь нас, пожалуйста.

Девушка кивает и, потупив взор, проносится мимо меня. Последнее, что я успеваю заметить, – это ярко-красную помаду на ее губах. Точно такого же вишневого оттенка как след на рубашке мужа, который я обнаружила несколько дней назад...

Глава 6

– Присаживайся, дорогая, – Дима заботливо опускает меня в кресло для посетителей.

Я до сих пор обескуражена, поэтому, не произнося ни слова, позволяю ему за мной ухаживать.

Что это, черт возьми, было? С каких это пор секретарши настолько оборзели, что сидят на столах своих боссов? Я, конечно, понимаю, что нравы у молодежи более свободные, но не настолько же!

– Так о какой именно работе ты хотела поговорить? – муж усиленно делает вид, что ничего необычного не произошло.

Поднимаю на него взгляд и не могу избавиться от ощущения, что вижу его как-то по-новому. Дима не такой уж хороший актер. Он нервничает. Вот только знать бы, почему. Из-за того, что невольно оказался в двусмысленной ситуации, где может выглядеть виноватым? Или из-за того, что действительно виноват?

Когда я вошла в кабинет, телесного контакта между ним и этой его Ясминой не было (тогда бы я точно забила тревогу). Но сам факт, что она расположилась на его столе и кокетливо покачивала ножкой, меня покорибил. Это ж надо, какое бесстыдство! Даже представить не могу, какие обстоятельства могли бы побудить меня залезть на стол к начальству... Это что-то за гранью допустимого!

– У тебя довольно доверительные отношения с твоей секретаршей, не так ли? – проигнорировав его вопрос про работу, интересуюсь я.

– Что? – Дима изображает изумление. – О чем ты?

– О том, что она сидит у тебя на столе. Я-то полагала, что ее место в приемной.

– Так и есть. Просто Ясмину занесла мне кофе, – он указывает на стоящую на столе чашку. – И задержалась на минутку.

Выдерживаю паузу, а затем протягиваю руку за этой самой чашкой и делаю из нее глоток.

– Кофе холодный, – констатирую я. – Видимо, она задержалась чуть дольше, чем на минуту.

– Так и знал, – Дима зачем-то вслед за мной отпивает из чашки. – Только недавно делал Ясмине выговор! Она все время приносит мне остывший кофе! Как об стенку горох!

– Так, может, стоит уволить ее? Раз она даже с такими элементарными обязанностями не справляется, – буравлю мужа пристальным взглядом.

– Уволить не получится, Алин. Она внучка Федосеева.

– Неужели для внучки акционера места поприличней не нашлось? – иронизирую.

– Так она ж студентка. Для подработки пойдет.

Еще и студентка. Ну просто замечательно. Значит, ей от силы двадцать два.

– Дим, мне эта ситуация неприятна, – говорю откровенно.

– Захожу к тебе в кабинет, а у тебя на столе какая-то девица сидит. Будь она хоть дочкой самого Лаврентьева, это все равно неприемлемо.

– Понимаю твое негодование, малыш, – муж протягивает руку по столу и находит мою ладонь. – Со стороны это наверняка выглядит как-то неприлично. Но, клянусь, между мной и Ясминой ничего нет. Она просто пришла, занесла мне кофе и заболталась. Разумеется, моя вина тут тоже есть. Я должен был пресечь ее разговоры. Они неуместны в рабочее время.

– А в нерабочее? – поддавливаю.

– А в нерабочее время я с ней не вижусь, – муж умело обходит мою ловушку.

– Значит, вы с ней не спите?

– Боже! Кончено, нет!

– Ладно.

– Алин, ну серьезно... Мы с тобой столько лет вместе, а ты подозреваешь меня в интрижке с какой-то вчерашней школьницей. Тебе самой не смешно? – он добродушно улыбается.

– Даже не знаю, смеяться мне или плакать.

– Брось, родная. Это просто нелепая случайность, – он приближается и обнимает меня со спины. – Хотя, знаешь, мне даже приятно, что ты ревнуешь, – посмеивается. – Значит огонек нашей страсти не угас, а?

Он игриво щипает меня за бок, пытаясь развеселить, но я, если честно, по-прежнему в смятении. Дима вроде бы вы-

глядит убедительным, но червячок сомнения все равно бередит душу...

Еще ведь эта красная помада на губах Ясины! И оттенок такой... Точь-в-точь как след на Диминой рубашке. Насыщенный, с вишневым отливом. Как мне не сопоставлять эти два факта? Сначала пятна на одежде мужа, потом секретарша на его столе...

Господи! Неужели я одна из тех дур, кто отказывается замечать очевидное? Или я все же параноик, который накручивает себя по поводу и без?

По отношению к самой себе очень сложно быть объективной. Может, к психологу сходить? А то я уже с трудом различаю, где реальность, а где плод моего больного воображения.

– Дим, я вообще-то к тебе по поручению начальницы, – высвобождаюсь из его объятий и подхожу к окну.

Сейчас мне не хочется, чтобы он меня трогал. Я дезориентирована и сбита с толку. Единственное желание – поскорее оказаться наедине с самой собой и как следует все обдумать.

– Слушаю, – муж словно чувствует мое подавленное состояние и держится на расстоянии. – И что же нужно от меня Криничной?

– Чтобы ты поговорил с Диной Александровной.

– По поводу?

– По поводу формы номер девять. Твои сотрудники неправильно ее заполняют, что усложняет работу нашему отделу. Криничная просила Дину Александровну соблюдать

требования аудиторов, но та стоит на своем.

– М-да, с ней всегда так, – Дима трет переносицу. – Терпеть не может под кого-то прогибаться.

– В нашей работе нужны быть гибким.

– Знаю, – вздыхает. – Ладно, я поговорю с Диной Александровной.

– Двадцать шестого числа вы сдаете отчеты. Криничная очень просила, чтобы в этот раз все было оформлено правильно.

– Я услышал.

– Хорошо. Тогда я пойду.

Устремляюсь по направлению к двери, но Дима перехватывает меня на полпути.

– Алинчик, ну ты чего такая суровая? – заглядывает мне в лицо. – Даже не поцелуешь любимого?

Так и тянет съязвить, но я сдерживаюсь. За годы семейной жизни поняла, что вспышки гнева и ядовитый сарказм – это отрава для отношений. Любой брак, в том числе и наш, держится на компромиссах. Поэтому в любви, как и на работе, нужно проявлять гибкость.

Натягиваю улыбку и позволяю Диме себя поцеловать. Правда, его язык к себе в рот не пускаю. Ограничиваюсь формальным контактом губ.

– Удачного дня, – бросаю ровно.

– До встречи дома, родная, – прилетает мне вслед.

Глава 7

Мимо красногубой Ясины прохожу с гордо поднятой головой. Не достаиваю ее ни взгляда, ни слова. Просто шагаю через приемную с выражением непоколебимого спокойствия на лице.

Правда, когда я оказываюсь в общем коридоре, моя маска благополучия стремительно слетает. Стискиваю зубы и морщусь. Так неприятно подозревать собственного мужа в интрижке с секретаршей! Чувствуешь себя шизофреником в стадии обострения. В голове звучит множество голосов. Одни обвиняют мужа, вторые оправдывают, третьи вообще советуют подправить макияж обнаглевшей девице.

– Алина Андреевна, с вами все в порядке? Вы какая-то бледная, – громыкает где-то рядом.

Поворачиваю голову и вижу, что прямо на меня, подобно барже, плывет Дина Александровна. Ее пышные телеса колышутся при ходьбе, а второй подбородок подрагивает.

– Здравствуйте, Дина Александровна, – выдавливаю улыбку. – Все в порядке. Я просто задумалась.

– О чем? – она смотрит изучающе.

– Что «о чем»? – не сразу доходит до меня.

– О чем задумались, спрашиваю.

– А... Да так, о своем.

– Видели новую секретаршу Дмитрия Эдуардовича? –

вдруг спрашивает она.

В первые секунды теряюсь. К чему этот вопрос?

– Видела, – подтверждаю осторожно.

– Внучка Федосеева, – поясняет Дина Александровна. –

Тупая как пробка. Слово «документ» пишет через «а».

– Да вы что?

– Угу. Я сначала думала, это просто опечатка. А потом гляжу – она везде так пишет. И плевать, что Ворд ей красным подчеркивает.

Если честно, Дина Александровна всегда была для меня загадкой. С самых первых дней в компании я плохо понимала эту женщину. Ее юмор, замечания. Вот и сейчас – она рассказывает мне гадости про секретаршу мужа, а я все гадаю, зачем она это делает? И что я должна ей ответить?

– Бывает, – пожимаю плечами. – Не все наделены природной грамотностью.

– Ну да, – Дина Александровна продолжает блуждать по моему лицу внимательным взглядом, и я не могу избавиться от ощущения, что она видит меня насквозь. – Ладно, Алина Андреевна, удачи вам. Заходите к нам почаще.

Последнюю фразу она выделяет интонационно, и я судорожно киваю, дескать, конечно, обязательно зайду.

Оказавшись в лифте, приваливаюсь лбом к прохладной металлической стене и думаю. Думаю, думаю, думаю. Как быть в сложившейся ситуации?

Я готова признать, что сидящая на столе мужа секретар-

ша окончательно лишила меня душевного покоя. Вряд ли я теперь смогу внушить себе, что ничего страшного не происходит. Мне нужны подтверждения. Либо его измены, либо моего заблуждения.

Лучше бы, конечно, второе, но это уже зависит не от меня.

– Добрый день! – двери разъезжаются, и в лифт заходит высокий мужчина приятной наружности.

Стильный костюм, модная прическа, лукавый прищур голубых глаз – будь я помоложе и посвободней, непременно бы на такого клюнула. Ну а в текущих обстоятельствах я ограничиваюсь лишь мысленной констатацией факта привлекательности незнакомца.

– Здравствуйте! – отвечаю вежливо и тут же отвожу взгляд в сторону.

Мужчина заходит в кабину и становится рядом.

– Вы не нажали кнопку нужного вам этажа, – замечаю я, когда лифт снова трогается.

– Я выхожу на вашем, – он поворачивается и одаривает меня обворожительной белозубой улыбкой.

– А, – приподнимаю брови. – Понятно.

Дальше едем в тишине. Однако, вопреки обыкновению, внезапное «лифтовое» соседство будоражит нервы. Как правило, я и не обращаю внимания на тех, в компании кого преодолеваю этажи, но этого мужчину невозможно не заметить. Особенно учитывая то, что его взгляд по-прежнему буравит мою щеку.

– Почему вы так смотрите? – не выдерживаю я.

– Вы очень красивая, – отвечает просто. – Может, поужинаем сегодня? Часиков этак в семь. Я забронирую хороший ресторан и куплю вам цветы. Какие вы любите?

Его напор одновременно и обескураживает, и восхищает, и вызывает смех. Это ж надо быть таким раскрепощенным!

– Спасибо, конечно, за предложение, но я вынуждена отказать, – говорю я, краснея как школьница на первом свидании.

– Почему же? – в его лице читается искреннее разочарование.

– Я замужем! – для достоверности поднимаю руку и демонстрирую обручальное кольцо. – И надо заметить, счастливо.

Не знаю, зачем я добавила последнюю фразу. Она явно была лишней.

– Что ж, это ожидаемо, – отвечает с пониманием. – Такие женщины, как вы, редко бывают одиноки.

Двери лифта распахиваются на моем этаже, и незнакомец жестом приглашает меня пройти вперед:

– Прошу.

– Благодарю.

Устремляюсь вдоль коридору, кожей чувствуя, что мужчина держится чуть позади. На этот раз его настойчивый взор паяльной лампой жжет мою пятую точку. Вот блин!

– А вы тут работаете? – спустя секунд тридцать он равня-

ется со мной.

– Да, а вы?

Решаю поддержать беседу, потому что общаться с незнакомцем все же лучше, чем дефилировать под его пристальным взглядом.

– А я, возможно, скоро стану собственником этой компании, – отвечает с неизменной улыбкой на губах.

– Ха, как забавно, – решаю, что он пошутил.

А сама молюсь, чтобы этот длинный коридор поскорее закончился. Компания красавца-мужчины действует на меня крайне смущающе.

– Ну да. Если вдуматься, и впрямь забавно, – соглашается он.

Какой странный. Сам пошутил – сам посмеялся.

– Алина Андреевна! – спасение приходит в виде оклика Криничной.

Начальница стоит у автомата с кофе и жестом подзывает меня к себе.

– Ну, всего хорошего! – с облегчением бросаю незнакомцу.

– До свидания, Алина Андреевна, – мое имя он произносит так, будто пробует его на вкус. Медленно, со вкусом. – Я, кстати, Владислав. Будем знакомы.

– Будем, – адресую ему дежурную улыбку и торопливо семеню к Марии Ивановне.

Глава 8

– Ну что, поговорила с Дмитрием Эдуардовичем? – спрашивает начальница.

– Поговорила. Обещал повлиять на Дину Александровну.

– Замечательно, – Критичная довольно отпивает кофе. – Давно пора поставить на место эту старую стерву.

Поддакивать не рискую. Делаю вид, что увлеклась разглядыванием кнопок кофейного автомата.

– Ладно, Алина Андреевна, сегодня можете уйти пораньше, – она сминает бумажный стаканчик и отправляет его в мусорку. – У вас же командировка завтра.

Несколько секунд непонимающе пялюсь на начальницу, а потом, подобно удару молнии, сознание прорезает мысль о давно запланированной поездке.

Ну точно! Как я могла забыть? Завтра у меня намечена трехдневная командировка в Велиногорск, где я должна провести инвентаризацию в одном из филиалов нашей компании. Поразительно, у меня ведь даже запись в ежедневнике есть, но из-за личных проблем эта информация совершенно вылетела у меня из головы.

– Алина Андреевна, вы чего зависли? – Критичная косится на меня с подозрением. – Забыли о командировке?

– Не-е-т, как можно? – усмехаюсь. – Помню, разумеется. Я тогда пойду, да? Перед отъездом куча дел.

– Ну идите.

Приосаниваюсь и чуть ли не бегом несусь обратно в кабинет. Нет, ну до чего ж я рассеянная! Как можно было такое запомнить? У меня же столько задач перед отъездом! Мало того, что нужно вещи собрать, так еще и со свекровью следует договориться. Ну, чтобы она за детьми присмотрела. У Димы-то график ненормированный, на него особой надежды нет.

В плане родителей нам с мужем очень повезло. И его, и моя мама живут в нашем городе и охотно разделяют с нами тяготы заботы о Мишке и Маринке. Однако, как бы это странно ни звучало, на долгий срок детей я предпочитаю оставлять именно у свекрови. Моя мама – хороший человек, но уж больно сердобольный. И ребят балует невозможно. Пока они у нее гостят, вообще нормальную пищу не едят. Сплошная сухомятка: печенки, шоколадки, чипсы. Да и телевизор у нее без ограничений. Она просто не умеет говорить им «нет».

А вот Лидия Георгиевна, Димины мама, в этом смысле кремень. Миша с Мариной у нее по струночке ходят. И, несмотря на это, любят ее беззаветно. Лидия Георгиевна – бывший педагог. И в ее отношении к детям это сразу чувствуется.

– Да, Алиночка, здравствуй, – свекровь отвечает на звонок почти сразу.

– Лидия Георгиевна, добрый день! Как у вас дела?

– Все слава богу. Как вы поживаете?

– Да потихонечку. Я к вам просьбой.

– Что такое, милая?

– Завтра в командировку уезжаю. На три дня. Хотела попросить вас за Мишей и Мариной приглядеть. Сами понимаете, у Димы работа...

– Конечно, Алин, без проблем, – соглашается свекровь.

– Спасибо большое. Дима завтра Маришку в школу ответит, а забрать ее вам нужно будет.

– Хорошо, так и сделаю. А для Мишки к вечеру шарлотку испеку. Он ее просто обожает.

– Спасибо вам, Лидия Георгиевна, очень выручаете.

– Ой, да брось! Мне же в радость!

Еще минуты две болтаю со свекровью, а, положив трубку, облегченно выдыхаю. Что ж, одной проблемой меньше. Дети пристроены, теперь осталось свои рабочие вопросы разгрести. И отправить уже наконец тот отчет Критичной! Если она о нем не спрашивает, это не значит, что забыла. Просто ждет подходящего момента, чтобы атаковать. Плавали, знаем.

Уйти пораньше, само собой, не получается. Засиживаюсь в офисе до вечера, поэтому обмозговать непростую ситуацию с мужем удастся лишь по пути домой. Плавню вращаю руль, а мысленно вновь и вновь прокручиваю ситуацию в кабинете Димы.

Как мне вывести его на чистую воду? Если у него и впрямь шуры-муры с секретаршей, то рано или поздно это должно

всплыть наружу. Шила в мешке не утаишь. Вот только вариант «поздно» меня совсем не устраивает. Мне нужно узнать обо всем немедленно. Прямо сейчас.

В голове всплывают советы с женских форумов. Слежка, мониторинг телефона, чтение личных сообщений. Пожалуй, стоит начать с последнего.

От одной только мысли, что придется втихаря почитывать переписки мужа меня передергивает. Оскорбительно занятие. Но, как бы ни сопротивлялась моя совесть, иного выхода попросту нет. Дима не оставил мне выбора: сначала следы на рубашке, потом секретарша на столе. Многовато тревожных звоночков для одной недели, не находите?

Уверена, содержимое его телефона расставит все точки над i.

Когда я захожу в дом, становлюсь свидетелем умилительной сцены: отец и сын увлеченно «рубятся» в приставку. Эмоционально, с воплями и смехом. Смотрю на не замечающих меня Диму и Мишку и ловлю себя на мысли, что безумно люблю своих мужчин. Они у меня самые-самые.

Дима при всех его возможных недостатках – прекрасный отец. Строгий, требовательный, но в то же время чуткий и справедливый. Дети его обожают. За то, что он их понимает. За то, что даже в дни максимальной загруженности на работе находит на них время.

– Всем привет!

– Привет, ма, – Мишка оборачивается, кивает мне и снова

вперяется в телевизор.

А вот муж откладывает джойстик и поднимается мне навстречу.

– Пап, ты куда? – хмурится мальчишка. – Мы же еще не доиграли!

– Я ненадолго, – отвечает он. – С мамой хочу поговорить. Соскучился по ней.

Приблизившись, Дима оставляет на моей щеке короткий поцелуй и улыбается:

– Как ты, дорогая?

– Нормально, – пожимаю плечами. – Кстати, чуть не забыла, завтра я уезжаю в командировку. На три дня.

– Куда? – удивляется.

– В Велиногорск. На инвентаризацию.

– Ладно, – тянет в замешательстве. – Надо маме насчет детей позвонить. Возможно, завтра мне придется задержаться на работе.

– Я уже позвонила и обо всем договорилась. Не переживай.

– Спасибо, Алинчик, – снова чмокает в щеку.

Ужин проходит в уютной семейной атмосфере. Маришка рассказывает недавно выученное стихотворение, Мишка жалуется на суровую математичку, которая держит в страхе весь их класс. Дима ведет себя как обычно: мил и внимателен.

После еды дети расходятся по своим комнатам, а муж от-

правляется в душ – смыть усталость трудового дня. Я делаю вид, что загружаю посудомоечную машину, а сама выжидаю минуту и крадусь наверх.

Мои ожидания оправдываются: перед тем, как скрыться в ванной, Дима выложил мобильник на прикроватную тумбочку. Экраном вниз.

Беру телефон в руки и, активировав экран, натываюсь на пароль. Вот черт! А пароль-то мне неизвестен. Остается надеяться, что в вопросах подбора цифровых комбинаций Дима так же неоригинален, как и в выборе парфюма. Вот уже пятнадцать лет пользуется одним и тем же ароматом. Тем, что я ему на нашу первую годовщину подарила.

Сначала использую дату его рождения. Не подходит. Ладно, согласна, это совсем уж банально. Может, мой день рождения подойдет? Снова мимо. Мишка? И опять не попала. А вот с Маринкиной датой рождения прокатывает. Я же говорила, Дима хороший отец, и детей он очень любит.

Телефон разблокирован.

Первые секунды аж пальцы дрожат. Страшно. Вот сейчас, прямо сейчас наступит миг истины. Я наконец узнаю: лжет мне мой благоверный, или это я неадекватная истеричка.

Первым делом залезаю в мессенджер. Ведь именно там, если рассуждать логически, должны храниться главные улики. Листаю список сообщений и, к огромному облегчению, ничего подозрительного не нахожу. Переписка со мной, с коллегами, чат футбольного клуба... Ни намек на общение

с краснойгубой Ясминой!

Закрываю мессенджер и перехожу в раздел мобильных сообщений. Там тоже пусто. Сплошные рекламные рассылки и смски от банков. В журнале исходящих вызовов есть пара-тройка незнакомых номеров, но обзванивать их у меня, понятно дело, нет возможности.

Шум в воды в ванной резко стихает, и я быстро сворачиваю все приложения. Блокирую телефон мужа и кладу его обратно на тумбочку. Примерно так же, как он и лежал.

– О, ты уже здесь, – Дима показывается на пороге с полотенцем, обмотанным вокруг бедер. – Чего не присоединилась?

– Да не знаю... Как-то не додумалась, – хихикаю.

Тот факт, что в телефоне супруга не обнаружилось никакого компромата, неимоверно меня радует. Настроение стремительно ползет вверх, а губы сами собой растягиваются в широкой улыбке от уха до уха.

Выходит, я зря себя накручивала? Дима мне не изменяет. След на рубашке – лишь нелепая случайность, а секретарша на столе – досадное недоразумение.

Аж гора с плеч.

Глава 9

Командировочные будни засасывают меня с головой. Мы с выданными мне в помощь сотрудниками работаем крайне продуктивно, и в середине второго дня я понимаю, что, если поднажмем, сможем закончить инвентаризацию раньше установленных графиком сроков.

Высказываю предложение ускориться, чтобы заработать себе лишний выходной, и сотрудники меня, разумеется, поддерживают. В результате утром третьего дня я составляю итоговую ведомость, где отражаю выявленные излишки и недостатки, и с чувством выполненного долга отправляюсь домой.

По пути меня посещает потрясающая по своей простоте и оригинальности мысль: раз уж я появляюсь дома на день раньше, надо организовать для Димы квест-сообщение о беременности. Ну а что? Давно пора.

Пока муж будет на работе, я все организую. А вечером он, ничего не подозревая, придет домой и, следуя подсказкам, узнает счастливую новость. А потом и я сама из какого-нибудь шкафа вылезу. Ну, знаете, как в этих американских фильмах, типа: «Сюрприз, милый».

Да, отличная идея! Думаю, Дима оценит мой креативный подход.

Воодушевившись, лезу в Интернет, чтобы продумать де-

тали домашнего квеста, и составляю список вещей, которые мне понадобятся для его организации: несколько красивых конвертов, стеклянная бутылочка с широким горлом, атласная лента, подарочные коробки разных размеров, шоколадные яйца «Киндер-сюрприз», воздушные шары и моток проволоки. За этим добром заезжаю в небольшой торговый центр, а затем на всех парах несусь домой.

Внутри все кипит от предвкушения, а на губах играет озорная улыбка. Кто сказал, что спустя годы из супружеских отношений исчезает романтика? Вот мы с Димой – живое тому опровержение. Раньше я сроду никаких сюрпризов ему не устраивала, а вот спустя шестнадцать лет брака наконец созрела. Должно быть, это на меня малыш в утробе так действует. Наверняка родится, вырастет и станет великим затейником.

Пока стою на светофоре, прикладываю ладони к животу и ласково его поглаживаю. Ловлю себя на том, что уже люблю этого крошечного эмбриончика. Вот вроде не планировала, не ждала, а сердце от щемящей нежности трепещет. Все-таки материнский инстинкт – мощная штука!

Оказавшись дома, первым делом загоняю машину в гараж и с удивлением обнаруживаю там Димин внедорожник. Хм, странно... Почему он здесь? Обычно муж предпочитает ездить на работу самостоятельно. Хотя... Возможно, сегодня как раз тот случай, когда он решил воспользоваться услугами личного водителя? У Димы, как у директора, такой име-

ется.

В любом случае лучше удостовериться. А то, если муж увидит меня на пороге с воздушными шарами в обнимку, сюрприз будет испорчен.

Не выходя из машины, набираю благоверного и с нетерпением жду его ответа. Дима берет трубку только с третьего вызова:

– Алло.

– Дорогой, привет! Как дела? – жизнерадостно произношу я.

– Привет, малыш. Все нормально... Но прямо сейчас запара жуткая на работе. Давай я чуть позже перезвоню?

– Так ты в офисе? – задаю вопрос, ответ на который в текущих условиях имеет решающее значение.

– Конечно, в офисе. А ты? Все еще в Велиногорске?

– Да, тут работы край непочатый. Вернусь не раньше завтра.

Очень надеюсь, он не догадается, что я лгу и задуманный мной квест окажется для него большой неожиданностью.

– Понятно. Скучаю. Вечером наберу, хорошо?

– Хорошо, – отзываюсь я и кладу трубку.

Что ж, отлично. Значит, Димы дома нет. У меня есть как минимум три часа, чтобы как следует все организовать и оформить. Достаю из багажника небольшой дорожный чемодан и пакет с реквизитами для квеста. Ленты воздушных шаров наматываю на запястье, чтобы не разлетелись, и то-

ропливо семеню в дом.

Находиться в родных стенах всегда приятно, а после нескольких дней отсутствия – особенно. Кладу вещи на пол, вешаю в шкаф свой легкий тренч и вдруг замираю как громом пораженная.

На коврике у порога стоят туфли.

Женские.

Не мои.

Ошарашенно веду взглядом дальше и замечаю по соседству с непонятными туфлями мужские ботинки. Димины. Те самые, что он обычно носит. И если это я могу объяснить тем, что сегодня супруг решил обуть что-то другое, то бежевые лодочки на высокой шпильке вызывают у меня кучу вопросов.

Чувствую, как кровь стремительно отливает от лица, а ладони становятся влажными.

Что тут, черт возьми, происходит?!

Разуваюсь и, стараясь не шуметь, крадусь по дому. В остальном здесь все как обычно. Никаких явных изменений. Даже кухонное полотенце висит на том же крючке. Да и посторонних звуков не слышно. Так откуда взялись эти странные туфли?

Бегло исследовав первый этаж, направляюсь на второй. Сама не знаю, чего я жду, но горькое чувство какой-то роковой неизбежности переполняет грудь. Адреналин баламутит кровь.

Тошно. Больно. Нечем дышать.

Миную лестничный пролет и, застыв на месте, снова прислушиваюсь. Поначалу слуха касается лишь тишина, но через пару мгновений я начинаю различать еще что-то. Негромкое, но вполне реальное...

Голоса.

Голоса, доносящиеся из нашей с Димой спальни.

Это подобно удару под дых. Будто лезвием по нервам.

Голова кружится. Пространство вокруг мажется и скачет. Почва стремительно уходит из-под ног.

Меня ведет и, дабы не упасть, хватаюсь за перила. Часто-часто дышу. Прижимаю ладонь к груди рвано выдыхаю. Там печет, как от огня. Внутренности плаваются, во рту невыносимая сухость.

Нет, он не мог... Не мог так со мной поступить.... Шестнадцать лет брака, двое замечательных детей и третий на подходе...

Дима не изменщик. Он не такой! Не такой...

Глава 10

Я отрицала очевидное до тех пор, пока это стало невозможным. Жизнь ткнула меня носом в мерзкое нутро моей, как мне казалось, благополучной семейной жизни, и пути назад больше нет.

Мне дико страшно. Но обманываться дальше я не могу.

Собираю в кулак силу воли и продолжаю путь. Двигаюсь в сторону нашей с Димой спальни. Туда, откуда доносятся приглушенные голоса – мужской и женский.

Шагаю медленно и осторожно, дабы не шуметь. Подкрадываюсь к полуприкрытой двери и прислушиваюсь. Сомнений больше нет: там точно мой муж. И не один, а с чужой женщиной.

– Димась, а поехали на Мальдивы? – веселый девичий голос острой бритвой режет по сердцу.

– Ну какие Мальдивы, малыш? Ты же знаешь, у меня работа... Да и жена не поймет.

– Ну милый, ну пожалуйста! Я очень хочу!

Следом слышится какая-то возня, а потом довольное кряхтение мужа:

– Да, Ясь, продолжай. Ты умеешь уговаривать.

– Ди-и-м... – тянет елеяно.

– Хорошо-хорошо, – отзывается мой благоверный со сладостным придыханием. – Мальдивы так Мальдивы.

Стержень внутри меня надламывается. Осыпается и стеклянной крошкой царапает нервы. Жгучая обида затапливает грудь. Поверить не могу, что муж планирует отпуск с любовницей, лежа в нашей супружеской постели! Это плевок в душу! Это садизм какой-то!

А ведь нас с детьми он уже три года на море не вывозил... Все на занятость ссылался. То совет директоров его не отпускает, то очередной инвестор на пьянку зовет...

Господи! Какой же я была душой! Верила его лживым словам, проглатывала его фальшь. В рот заглядывала, рубашки наглаживала, контейнеры с едой ему на работу собирала! А взамен что? Нож в спину получила! Завел себе молоденькую секретаршу и развлекается с ней почему зря! Предатель! Сволочь! Мерзавец!

Как он мог?!

Внезапно к горлу подкатывает тошнота, и я скрючиваюсь, с трудом подавляя рвотный позыв. Пищевод сокращается, мышцы живота дрожат, сердцебиение учащается. Уверена, беременность здесь не при чем. Мне просто настолько гадко от происходящего, что аж блевать тянет.

Первый порыв – расплакаться и убежать прочь. Забиться в угол и жалеть себя, все глубже и глубже погрязая в роли жертвы. Но следом за оглушающей обидой приходит ослепляющая злость.

Я была хорошей женой. И я, черт подери, не заслужила, чтобы об меня вытирали ноги!

Смахиваю со лба холодный пот и размашистым движением отворяю дверь. Передо мной картина маслом: разнежившийся на белых простынях Дима и краснотелая Ясмiна, пристроившаяся у его паха.

Дрянн. Какая же она дрянн!

– Алина! – муж подсакивает на кровати как ошпаренный. Пытается прикрыть свою наготу.

В его глазах плещется неподдельный ужас, а в лице отражается паника. Для человека, устраивающего игрища с любовницей на семейном ложе, он кажется слишком смущенным. Неужели еще не весь стыд потерял?

– Что... Что ты тут делаешь? – тараторит нервно.

Действительно. Все вопросы исключительно ко мне. Это же я приперлась из командировки раньше положенного и обломала ему всю малину.

Ничего не отвечаю. Просто буравлю его взглядом, который красноречивее любых слов.

Дима цепляет одеяло и судорожно обматывает им бедра. Его девица мечется по комнате как загнанный в клетку зверь: собирает свои разбросанные по полу вещи.

– Пошла вон, – говорю ровно.

Она замирает. Вперяется в меня непонимающим взглядом.

Действительно тупая. Как пробка.

– Пошла вон! – повторяю чуть громче. – Или мне самой тебя вышвырнуть?

Девушка отмирает. Хватает попавшуюся под руку блузку и пулей пролетает мимо меня.

Дима остается стоять на месте. Его обнаженная рельефная грудь высоко вздымается, а испуганные глаза бегают по моему лицу.

– Алинчик, дорогая, послушай... Я все могу объяснить... Я...

Смотрю на него, такого красивого и такого лживого, и на меня с новой силой накатывает приступ тошноты. Тщетно пытаюсь сглотнуть, закрываю рот рукой и бегом срываюсь в туалет. На этот раз сдержаться точно не получится.

Только бы успеть добежать!

Приземляюсь перед унитазом на колени и опорожняю желудок. Спинай чувствую, что Дима стоит на пороге. Дышит тяжело и рвано.

– Родная, тебе помочь?

– Не подходи! – предостерегающе повышаю голос. – Не смей приближаться!

Нажав кнопку смыва, подхожу к раковине и умываюсь. Чувствую себя так, будто меня переехал самосвал. Живот болит, сил нет, а в груди – дыра. Сосущая бездна безысходности.

Утираю рот полотенцем. Наши с Димой взгляды пересекаются через зеркало. Непривычно видеть на по обыкновению горделивом лице мужа выражение вины. Сейчас у него вид побитой собаки, но мне его совсем не жаль.

– Алин, давай погорим, – просит тихо. – Я тебя люблю, ты же знаешь.

– А ты ничего не перепутал? – усмехаюсь горько. – Может, ты любишь свою Ясмину? А со мной тебе просто удобно?

– Она мне никто! Клянусь!

Стремительно шагнув вперед, муж пытается схватить меня за руку, но я уворачиваюсь.

– Но тем не менее ты привел ее в наш дом. И в нашу постель.

– Это... Это просто разовая интрижка! Она ничего не знает! Пожалуйста, милая, поверь мне!

– Я больше не верю тебе, Дим! Не верю!

Сердце разрывается на куски от боли, а на глаза наворачиваются слезы. С трудом верится, что мужчина, которому я доверяла, в одночасье обнулил то, что мы создавали годами. Шестнадцать лет брака, двое детей и третья беременность, о которой он пока ничего не знает... Неужели это все коту под хвост?

– Родная, я понимаю, что облажался... Понимаю, что обидел тебя. Но прошу, дай мне шанс все исправить!

Дима выворачивает мне душу наизнанку одним лишь взглядом. Ведь когда-то я безумно любила его. Да и сейчас, говоря по правде, люблю...

– Нет, – отрицательно качаю головой. – Я хочу развода.

– Алин, умоляю, – неожиданно он падает передо мной на колени. – Только не развод!

Он издевается! Без ножа режет! Заживо!

Уж лучше бы сказал, что любит ее. Лучше бы валил на все четыре стороны. Мне так было бы проще... Отпустить, забыть и самой забыться. А он травит. Мучает. Деспот!

Ох, как было бы легко обрубить, если б не было чувств. А так из сердца вырывать приходится... С болью, с разочарованием, с воплями.

– Прошу, выслушай меня! – Дима обхватывает мои ноги и вдруг замирает, уставившись куда-то чуть ниже моего живота. – Алин... С тобой все в порядке?

Ничего не понимая, опускаю взгляд вниз и вдруг замечая, что на светлых льняных брюках, прямо у развилки ног, разползается темное кровавое пятно.

Тая Наварская, 2023

Данное произведение подлежит защите авторских прав

[Гражданский кодекс РФ] [Глава 70] [Статья 1271]

Глава 11

Скорая, экстренная госпитализация, анализы, УЗИ и как итог неутешительный диагноз – самопроизвольное прерывание беременности. Или, говоря простым языком, выкидыш.

Дима оплачивает мне вип-палату, врачи сдувают пылинки, медперсонал проявляет участие, а я лишь смотрю в одну точку и чувствую, как из меня капля за каплей утекает жизнь.

Еще сегодня утром все было хорошо. Я пребывала в припод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.